

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

№ 27.

и ЖИЗНЬ

1912.

А. П. Чеховъ въ молодости.

(Къ 8-лѣтію со дня смерти.)

МОСКВА

ОБЪ А. П. ЧЕХОВЪ.

Воспоминанія М. П. Чехова.

Однѣ изъ биографовъ Антона Павловича сообщаютъ, что въ гимназическомъ возрастѣ Ант. П. былъ „вѣлымъ увальнемъ“. Въ опроверженіе позволю себѣ привести здѣсь письмо, написанное ко мнѣ братомъ, когда онъ былъ еще въ шестомъ классѣ гимназій, а я по второму.

„Письмо твое я получилъ какъ разъ въ самый разгаръ ужаснѣйшей скуки, зѣвая у воротъ, а потому ты можешь судить, какъ оно, длиннѣйшее, пришло весьма кстати. Пончеркъ у тебя хорошъ, и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мнѣ только одно: зачѣмъ ты величаешь свою особу „незамѣтнымъ братишкой“? Ничтожество свое сознаешь? Не вѣдь, братъ, Мышамъ, надъ бою одинаковыми. Ничтожество свое сознавая, знаешь гдѣ? Предъ Богомъ, пожалуй, предъ людьми, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошеникъ, честный человѣкъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малаго и знай, что честный малый не вичтожество. Не смѣшай „смиряться“ и „сознавать свое ничтожество“. Георгій выросъ. Мальчикъ онъ добрый, я съ нимъ часто играю въ бабки. Хорошо дѣлаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временемъ ты эту привычку оцѣпишь. Мадамъ Бичеръ-Стоу выжала изъ глазъ твоихъ слезы? И не когда-то читалъ, прочелъ и полгода тому назадъ съ научной цѣлью и почувствовалъ послѣ чтенія вѣрнѣею ошущеніе, которое чувствуютъ смертные, вѣрнѣе не въ мѣру взмучу и коринки. Прочти ты слѣдующія книги: Донъ-Кихотъ (полный въ 7 или 8 частей). Хорошалъ пещь. Сочиненія Сервантеса, котораго ставить чуть ли не на одну доску съ Шекспиромъ. Советую братьямъ прочесть „Донъ-Кихотъ и Гамлетъ“ Тургенева. Ты, брате, не поимешь. Если желаешь прочесть всескуное путешествіе, прочти „Фрегатъ Паллада“ Гончарова. Наши учителя берутъ съ пансіонеровъ по 350 р., а кормятъ бѣдныхъ мальчишекъ, какъ собакъ, юшкой отъ жаркого. А Чеховъ“.

Дунается что „увальень“ вѣкогда бы не написалъ такого письма, а тѣмъ же „вѣлымъ“. Гимназистомъ шестого класса, Антономъ Павловичъ много читаетъ, играетъ въ бабки, возмущается учителями, которые кормятъ своихъ пансіонеровъ, какъ собакъ, и чисто по-чеховски остритъ надъ Бичеръ-Стоу. Въ этомъ же классѣ онъ издаетъ юмористическій журналъ „Занка“, который высылаетъ старшему брату въ Петербургъ. Выписываетъ самъ „Свѣтъ Честности“. Развѣ „вѣлымъ увальень“ способенъ на это? Оригинальная помера „Занки“ уцѣпѣли до сихъ поръ.

Ученикомъ 7-го и 8-го классовъ Ант. П. очень любилъ ухаживать за гимназистками и, сколько знаю изъ его уроковъ мнѣ, когда я тоже былъ гимназистомъ 7-го класса, романы его были жизнерадостны. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ театръ и изъ всѣхъ пьесъ, которыя ему пришлось тогда видѣть, больше всего онъ разсказывалъ мнѣ о „Мамыныномъ сынкѣ“, „Ограбленной почтѣ“ и „Гамлетѣ“. Когда мы еще жили въ Таганрогѣ всей семьей, у насъ часто происходили домашніе спектакли, въ которыхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилою. Помню, мы разыграли даже „Ревизора“, въ которомъ городничаго игралъ Ант. Павл. Игралъ и на малороссійскомъ языкѣ про какого-то Чупруна и Чупрунку, гдѣ роль Чупруна исполнялъ все тотъ же „увальень“ Антоша. По самую любимую для Ант. Павл., кажется, была тогда имъ самимъ придуманная сцена про градоначальника. Въ гимназическомъ мундирчикѣ съ старинной дѣдушкиной шапкой черезъ плечо онъ представлялъ, какъ градоначальникъ стоитъ въ табельный день въ соборѣ и какъ за тѣмъ, по окончаніи обѣдинъ, провозводитъ смотръ казакамъ. Эту сцену все съ новыми вариантами онъ показываетъ часто и очень охотно.

Окончивъ же курсъ гимназій, Ант. Павл. прѣхалъ къ намъ въ Москву умѣвшимъ мѣтко стѣблять изъ ружья и отлично ѣздить на лошади. Научился онъ этому въ стени на хуторѣ Кравинова и въ имѣніи Ивана Парфеевича, къ которымъ ѣздилъ въ Таганрога три дѣта подъ рядъ. Но объ его сежурахъ тамъ и, къ сожалѣнію, очень мало знаю.

На наше счастье намъ попалась превосходная няня Атаева Александровна Кумская, умѣвшая удивительно разсказывать. Мастеряца была разсказывать я наша мать. Няня все больше повѣствовала о танкетвенномъ, strapномъ, необыкновенномъ, а мать—о вѣломъ, какъ она дѣвочкой ѣздила на тарантасѣ черезъ всю Россію изъ Владимірской губ. въ Таганрогъ, какъ насъ бомбардировали въ Севастопольскую войну французы и англичане, и какъ скверно жилое крестьянамъ во время крѣпостного права. Читая произведенія брата, я то и дѣло нахожу въ нихъ черточки этихъ двухъ вѣлиній. А поэтическое „Счастье“ написано имъ безусловно подъ впечатлѣніемъ разсказовъ няни.

Будучи ученикомъ VII класса, Ант. Павл. написалъ большую драму „Возотцовщина“ и ужасно смѣшной водевилъ „Не даромъ курапа пѣла“ и прислалъ ихъ намъ въ Москву для прочтенія. Я долго берегъ эти произведенія,

Из пѣтняго альбома: „Художественники“ въ Кіевѣ.

но, подавъ затѣмъ въ Москву поступать въ университетъ. Ант. П. отобралъ ихъ отъ меня и „Безотцовщину“ разговаривал на мелкіе кусочки, а водевилъ спряталъ. Куда дѣваться водевилъ, — не знаю. Во второй же годъ по пріѣздѣ въ Москву Ант. Павл. написалъ еще одну большую драму съ любоврадами, стрѣльбой, женщиной, бросающейся подъ колеса и т. п. Я переписывалъ эту драму и у меня отъ волненія холодѣло подъ сердцемъ. Какъ теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мнѣ гимназисту, верховъ совершенства. Драму эту Ант. П., тогда студентъ второго курса, лично отнесъ къ М. Н. Ермолову на прочтенье и очень желалъ, чтобы она поставлена была въ свой бенефисъ. Не знаю, что отвѣтила брату г-жи Ермолова, только мои старанія четко переписать драму были и пропали даромъ: пьеса вернулась обратно и была разорвана авторомъ на мелкіе куски. Отъ нея уцѣлѣла только одна фамилія „Войничій“, которая воскресла потомъ въ „Дядѣ Ванѣ“. Изъ другихъ пьесъ знала очень трогательную пьесу „Баринъ“, записанную пѣнзурой, и нѣсколько несромный водевилъ „Бритый секретарь съ пистолетомъ“, о судьбѣ котораго не знаю ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двухъсильной кроватью. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ для напечатанія бездарное стихотвореніе. И вотъ Ант. П. долженъ былъ специально сочинять именно бездарное стихотвореніе, въ которомъ четыре раза должно было повториться слово „стремглавъ“. Вотъ это стихотвореніе:

Прости меня, мой ангелъ блѣснѣйшій,
Подруга дней моихъ и идеалъ мой вѣчный,
Что я, забывъ любовь, *стремглавъ* туда бросаюсь,
Гдѣ смерти пасть... О, ужасаюсь!
Въ могильный склепъ съ груди горячей
Убитый, равенный, лежачій
Стремглавъ я падаю... Не плачь, прости...
Всѣ птицы будутъ пѣть и розы цвѣсти
Надъ свѣже-вырытой могилою, куда меня злой рокъ опу-
ститъ.

Тогда поймешь, какъ я страдалъ,
Какъ я любилъ свой идеалъ.
Надъ ней *стремглавъ* взойдетъ моя идея
Во образѣ цвѣтовъ, лядышей, розъ пріятныхъ...
Тогда по повелѣнію таинствъ непонятныхъ
Изъ гроба буду я *стремглавъ* вставать ночами
И, отравивъ цвѣтовъ благоуханьемъ,
Какъ чудной дѣвочки любозавѣмъ,
Уйду обратно въ гробъ съ прослезненными глазами...
„Последняя строчка нѣсколько тяжеловата, говоритъ редактору герой водевила, но вѣдь главное — умиль прочесть!“

Кромѣ того, уже будучи извѣстнымъ писателемъ, Антонъ Павловичъ написалъ пьесу, заглавіе которой я позабылъ. Кажется, продолженіе Суворинской „Татьяны Рѣпной“. Изъ сожалѣнія, у меня сохранилось только четыре строчки печатнаго экземпляра этой пьесы. Она начинается

„Седьмой часъ вечера. Соборная церковь. Горятъ всѣ напикадила и ставники. Царскія врата открыты. Поютъ два хора: архіерейскій и соборный. Церковь полна народа. Тѣсно и душно. Идетъ вѣнчаніе. Вѣчаютъ Собинякъ и Оленина. У перваго шаферами Котельниковъ и офицеръ Волничъ, у второй — ея братъ студентъ и товарищъ прокурора. Вся мѣстная интеллигенція. Роскошные наряды. Вѣчаютъ: о. Иванъ въ подинаявшей камиллѣ, о. Николай въ скуфейкѣ и лохматый, очень молодой еще о. Алексѣй въ темныхъ очкахъ; позади и нѣсколько вправо отъ о. Ивана — высокой тощій дьяконъ съ книгой. Въ толпѣ мѣстная трупа съ Матвѣевымъ во главѣ.

„О. Иванъ читаетъ. Помяни Боже и воспитавшія ихъ родители“... и т. д., и т. д.

Дальше изъ середины:

„Арх. хоръ поетъ. Аминь.

„Патроньянниковъ. Душно! Это какой у васъ орденъ на шею, Давидъ Соломоновичъ?

„Зоненштейнъ. Вельбійски. И зачѣмъ такъ много народу? Кто пускаетъ? Уфъ! Русская баня!

„Патроньянниковъ. Полиція дрянная.

„Дьяконъ. Господу помолимся!“ и т. д.

Въ бумагахъ Антона Павловича вѣроятно имѣется полный экземпляръ этой единственной въ своемъ родѣ пьесы. Она напечатана; очень миниатюрнаго формата.

Антонъ Павловичъ былъ превосходный актеръ. Сколько знаю, онъ ни разу не участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, но очень часто, чуть не каждый день, выступалъ у себя въ семьѣ, въ своихъ собственныхъ импровизацияхъ. То онъ читалъ лекціи и изображалъ при этомъ стараго профессора, то выступалъ въ роли зубного врача, то представлялъ авонскаго монаха. Его первое произведеніе, напечатанное имъ въ „Стрелкозѣ“ („Письмо къ ученому соуду“), составляетъ собою именно одну изъ его лекцій, которую онъ въ лицахъ разыгрывалъ передъ нами. Аккурратно каждый вечеръ за ужиномъ, измѣнивъ голосъ и становясь совершенно неузнаваемымъ, онъ рассказывалъ какую-нибудь смѣшную исторію, отъ которой у всѣхъ насъ начиналось колотье въ бокалъ. Очень смѣшно выходило у него изъясненіе на діакона. Антонъ Павловичъ изображалъ дьячка, а старшій братъ — архіерей. Вытанувъ шею, которая ставалась отъ этого старчески-жилистой и, измѣнивъ до неузнаваемости выраженіе лица, Антонъ Павловичъ старческиимъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ настоящій деревенскій дьячокъ, долженъ былъ пропѣть передъ братомъ всѣ якосы, кандаки и богородичны на всѣ восемь гласовъ, задыхался при этомъ отъ страха передъ архіереемъ, ошибался и въ концѣ-концовъ все-таки удостоивался архіерейской фразы:

— Во діаконѣхъ еси!

Грамиривался Антонъ Павловичъ такъ, что его не узнавали даже близкіе его родные. Разъ онъ нарядился нищимъ и, написавъ просительное письмо, черезъ весь го-

Лучшія созданія Антокольскаго.

Мефистофель.

умерла, но кончина ея была слишком трогательна. Она схватила Ант. П.—ча за руку, да такъ и умерла, держа его руку въ своей. На писателя это произвело такое сильное впечатлѣніе, что вывѣска была снята съ двери и больше ужъ на ней не появлялась никогда. При этомъ, кажется, Антонъ П.—чъ былъ немножко мнительнъ. У меня сохранилось его письмо отъ 10 марта 1887 г., когда была большая эпидемія тифа въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ этомъ письмѣ есть такая фраза: „Бѣжать я, повидно, въ самомъ напряженномъ состояніи. Сидѣлъ мнѣ гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. Вообще ночь была подлая.“ Письмо это онъ закрываетъ фразой: „Мнѣ страшно“. А вотъ еще одинъ изъ случаевъ изъ его практики. Мы жили въ Бабкинѣ. Уже совѣтъ подъ вечеръ къ намъ пріѣхалъ какой-то мужичонко на простой телѣгѣ и сталъ просить Антона П.—ча поѣхать немедленно въ с. Карцево, чтобы подать помощь его женѣ, съ которой „что-то случилось“. Антонъ П.—чъ захватилъ меня съ собой, и мы поѣхали. По возмутительной дорогѣ бѣжали версты десять въ одинъ конецъ въ мужицкомъ телѣгѣ, молнія разбѣкала небо, громъ прямо таки оглушалъ, и мы впервые въ жизни увидѣли приравніе болотные огоньки. Даже страшно сѣхлалось. А когда пріѣхали, то столкнулись съ женщиной, бывшей въ горячечномъ бреду отъ гнилостного зараженія. Тепло, душно, гудятъ мухи и больная смотритъ дикими оловянными бѣлками и что-то бормочетъ, и кажется, что вотъ-вотъ дождь расколется и поплыветъ отъ ударовъ грома. Въ результатѣ—опять десять версты домой въ той же телѣгѣ и по той же возмутительной дорогѣ. Стоило ли городить сгорѣть?

(Окончаніе слѣдуетъ.)

М. Чеховъ

родъ, въ костюмѣ, отправился къ дядѣ и подаль ему это письмо. Дядя не узналъ его и подаль ему три копейки. Вообще Ант. Павл. любилъ поселиться и любилъ, когда веселились другіе. Если собирались раненые, онъ непременно помогать имъ тѣмъ или другимъ и наряжался и самъ. Уже въ Мелиховѣ, будучи больнымъ, онъ помогать моей женѣ нарядиться хулиганомъ и самъ написалъ для нея просительное письмо слѣдующаго содержанія (правильное подлинника): „Ваше Высокоблагородіе! Будучи преследуемъ въ жизни многочисленными врагами и пострадавъ за правду, потерялъ мѣсто, а такъ же жена моя больна чревовещаніемъ, а на детяхъ сыпь, потому покорнѣйше прошу пожаловать мнѣ отъ щедротъ вашихъ кельюность благородному человѣку. Василій Спиридоновичъ Своячевъ“.

Антонъ Павл. не питалъ никакой привязанности къ врачебной практикѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ повѣсилъ на дверяхъ вывѣску „Докторъ А. П. Чеховъ“ и, повидному, твердо рѣшилъ быть врачомъ. Но его первые шаги въ этомъ направленіи, сколько помню, не были удачны. Практика его началась за тридевять земель отъ его квартиры, въ Лефортовѣ, у учителя кадетскаго корпуса, и здѣсь на первыхъ же порахъ братъ написалъ невѣрный рецептъ. Возвратившись домой, онъ провѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучился ужасно. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ полночь, захвативъ меня съ собой, онъ на послѣдніи деньги занялъ у гостиницы „Саратовъ“ лихача и помчался снова въ кадетскій корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецептъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не посладали.

— Ты знаешь,—показывалъ онъ мнѣ этотъ рецептъ.—Запаятую въ граммахъ не тамъ поставилъ. Вотъ вышла бы катавасія!

И это, кажется, былъ нашъ единственный въ жизни случай, когда мы мчались на лихачѣ.

Въ другой разъ Антону П.—чу пришлось лѣчить семейство Я. на Зубовскомъ бульварѣ. Лѣчилъ онъ тамъ что-то мѣсяца полтора или даже больше, такъ какъ послѣдовательно тамъ заболѣли тифомъ мать и три взрослыхъ дѣтей. Мать умерла, одна изъ дѣвушекъ тоже